

99 — Почему это необходимо? Три мировыми державами управляют технократы, юристы и автократы с четким учением о проектировании государства. Четвертая — Европа — все еще верит, что ее демократия защитит себя сама. Ничто не может быть дальше от истины. Сочетание полной демократии и экономически компетентного руководства — единственный выход., кто оглянется вокруг в две тысячи двадцать шестом году, увидит три мировые державы, которых объединяет одно: ими руководят люди с узнаваемым профессиональным профилем, и это проявляется в том, как они управляют своим государством. Европа является исключением, и именно в этом кроется проблема. Три власти, три проекта ** Путин правит Россией как единоличный автократ. В основе лежит двойная конструкция: политически — персонализированная, консолидированная автократия, в которой президент и его ближайшее окружение принимают все стратегические решения без ответственности перед законодательной или судебной властью; экономически — клептократический государственный капитализм, который с две тысячи четырнадцатого года с нарастающей интенсивностью экспроприирует частные компании, перераспределяя их в пользу друзей Кремля, а с февраля две тысячи двадцать пятого года разрабатывает законодательство для окончательной конфискации замороженных средств иностранных инвесторов. Отчет Bertelsmann-Stiftung о России за две тысячи двадцать шестой год описывает систему как «personalized, consolidated autocracy» — царь в современном обличье. Владение бизнесом — это милость суверена, а не право. Тот, кто ведет себя неподобающе, теряет не только компанию, но, возможно, и свободу. Олигархи функционируют как бояре царя Николая: владение на правах аренды — либо лояльность, либо изгнание. Личное обогащение через круг силовиков оценивается примерно в триста миллиардов долларов в год — объем капитала, равный Дании, который ускользает из обычной экономики. Трамп правит Соединенными Штатами с кабинетом, полным советников с юридическим образованием. Пэм Бонди, бывший генеральный прокурор Флориды, в должности министра юстиции. Марко Рубио, юрист-политик, в должности государственного секретаря. Эта закономерность не случайна. Второй срок Трампа эксплицитно описывается академическими экономистами, комментаторами и бывшими генеральными директорами как принятие государственного капитализма: беспрецедентный контроль над компаниями, публичные нападки на руководителей, которые ему возражают, принудительные увольнения,

обязательные отчисления прибыли федеральному правительству. В статье Википедии о государственном капитализме с две тысячи двадцать пятого года появился новый раздел о Соединенных Штатах, где это описывается как системное изменение. Юридический характер управления не случаен — он структурен. Законы используются как оружие, контракты — как средство давления, министерство юстиции — как инструмент личной кампании. Проект ясен: власть через процедурное принуждение, а не через конституционный баланс. Цзиньпин изучал химическую технологию в Университете Tsinghua в Пекине с девятнадцати семидесяти пяти по девятнадцать семьдесят девятый год — учебном заведении номер один в мире в этой области согласно US News & World Report. Он правит Китаем так, будто это фабрика. Контроль данных над одним миллиардом сорока миллионами человек, система социального кредита, развертываемая с две тысячи четырнадцатого года, инфраструктура наблюдения, не имеющая прецедентов в человеческой истории, и Коммунистическая партия с семьюдесятью девятью миллионами членов, наложенная на население как слой контроля качества. Дизайн управления — это дизайн инженера-химика: измерение, управление, и, если элемент ведет себя неправильно, его удаление из реактора. Население — это не избиратели и не граждане; это материал в процессе. Это работает — для Партии. Продуктивность Китая растет, технологии ускоряются, геополитическая мощь увеличивается. Китайский студент, заканчивающий обучение в две тысячи тридцатом году, находится в стране, которая арифметически сильнее Соединенных Штатов и политико-стратегически более сплоченная, чем Европа.> У России есть царь, у Америки — юристы, у Китая — химик. У Европы есть комиссары, которых никто не выбирал, и канцлеры, которые больше не осмеливаются обращаться к собственному народу.*Европа как вчерашний день**трем противостоит Европа. Союз двадцати семи государств-членов, Комиссия, не имеющая демократической легитимности, Парламент, лишенный законодательной инициативы, Суд, поставивший себя выше национального правосудия, и ряд премьер-министров и канцлеров в национальных столицах, которые не смеют обращаться к своим избирателям, не проконсультировавшись предварительно с Комиссией и прессой. В январе две тысячи двадцать пятого года Европейский союз выпустил Competitiveness Compass, в котором «конкурентоспособность» была объявлена основополагающим принципом — тот самый Союз, который с две тысячи тринадцатого года не

сделал ни одну часть своей промышленной политики более продуктивной, чем ее китайские, американские или даже российские аналоги. В декабре две тысячи двадцать пятого года Фонд Карнеги опубликовал опрос европейских стратегов под названием *Is the EU Too Weak to Be a Global Player?* — подавляющим ответом было «да». Отчет Vrije Universiteit Brussel *European Sovereignty or Decline?* от ноября две тысячи двадцать пятого года подтверждает это: Европа стоит на краю пропасти стратегической нерелевантности, не имея иного плана спасения, кроме надежды на то, что остальные трое когда-нибудь самоликвидируются. Все еще верит, что ее демократия защитит себя сама. Что процедурные гарантии Страсбурга и Люксембурга являются самодостаточными. Что франко-германская ось, или польско-итальянский всплеск энтузиазма, или новый председатель Комиссии смогут выполнить работу, которую царь, кабинет адвокатов и химик систематически делают годами. Это не так. Ни одна автократия в мировой истории не пала только потому, что столкнулась с демократией. Автократии рушатся, когда их экономика больше не тянет, их население теряет иллюзии или конкурент обходит их технологически. Европа не делает ни того, ни другого, ни третьего. Она демократизируется внутри собственных стен с растущей неэффективностью и тем временем экспортирует свои промышленные мощности в Чехию, Польшу и Китай. Она больше не направляет свою молодежь в технические учебные заведения, а вовлекает ее в общественные дебаты об идентичности. Она теряет своих фермеров, свою промышленность, свое оборонное производство, свои фармацевтические мощности, своих производителей чипов, свою энергетическую автономию — почти в такой последовательности — убеждая себя при этом, что добивается успеха через «ценности». Ценности чего-то стоят только тогда, когда они опираются на экономику, которая действительно производит. В тот момент, когда европейский ученый уезжает работать в американский университет, потому что бюджет нидерландского университета сокращают наполовину, а бельгийская компания по производству чипов эмигрирует на Тайвань из-за удушающего регулирования, европейские ценности становятся не более чем музейным экспонатом. континента в этом анализе часто остаются вне поля зрения, и совершенно напрасно. Южная Америка и Африка не только обладают классическим сырьем — литием, кобальтом, железной рудой, соей, — но и владеют двумя рычагами, которые в ближайшее десятилетие определят их вес в технологическом порядке: ViCRS (улавливание и

хранение углерода с помощью биомассы) в промышленном масштабе и производство биоэтанола и биометанола из собственной биомассы. Бразилия уже производит более тридцати миллиардов литров биоэтанола в год из сахарного тростника. Африка располагает тропическо-экваториальным поясом, в котором продуктивность биомассы в два-три раза выше, чем в умеренных зонах. Тот, кто владеет химико-физическими путями фиксации CO₂ и спиртовым топливом, в две тысячи тридцатом году будет владеть самым чистым звеном в мировой цепи — звеном, которое ни Россия, ни Америка, ни Китай не могут воспроизвести географически. *Европейский рычаг, которого еще неткроется рычаг, который ищет Европа. Не в новом регулировании, не в цифровом евро, не в очередном торговом соглашении. А в оркестровке оси биомассы: капитале, дизайне, нормировании и сбыте, которые необходимы Южной Америке и Африке для строительства установок BiCRS и заводов по производству биотоплива в промышленном масштабе, и которые необходимы самой Европе, чтобы — впервые с восьмидесятых годов — обладать собственным энергетическим и климатическим рычагом. Это не помощь развитию и не колониальные отношения; это выверенный альянс между континентами, которые нуждаются друг в друге. У Южной Америки и Африки есть биомасса, солнце и демография. У Европы — по-прежнему — есть знания в области химической инженерии, процессуальный капитал и доступ к рынку для своих пятисот миллионов состоятельных потребителей, а также потребителей ее торговых партнеров. Тот, кто свяжет эти три континента выверенным способом через BiCRS и биометанол/этанол, предложит нечто, что не смогут имитировать ни Путин, ни Трамп, ни Си: промышленную климатическую ось, которая одновременно фиксирует CO₂ и производит высококачественное топливо, с географическим центром тяжести там, где светит солнце, и интеллектуальным центром там, где находятся химические факультеты. две тысячи шестого года Европейский союз опубликовал одиннадцать последовательных промышленных стратегий, ни одна из которых не была связана механизмом поставок с континентом за пределами Европы. Нидерландские, немецкие и французские химические факультеты по-прежнему выпускают ведущие публикации о конверсии биомассы в жидкость (biomass-to-liquids) — но установки строятся в Бразилии, Индонезии и Нигерии азиатскими консорциумами. Четвертый путь требует, чтобы европейский экономический Bondsraad запустил

многолетнюю программу оркестровки, которая объединит эти три элемента — химический дизайн из Европы, биомассу из Южной Америки и Африки и гарантии сбыта через европейское законодательство — в один выверенный план. Без такого плана Европа останется «залом ожидания» вчерашнего дня. С таким планом Европа снова станет мировым игроком — не на военной или монетарной оси, а на единственной оси, которая будет иметь значение в две тысячи тридцатом году и далее: энергии и управлении климатом. То, как этот рычаг станет реальностью — какая культура, какие установки, какие временные рамки — является темой Выпуска 7**^{*}: ответа на вопрос, поставленный в этом Выпуске. положение на графике позиционирования ниже — демократическое, но без собственного учения о проектировании — не является постоянным статусом. Это приглашение. *Режим консенсуса должен уйти первым — иначе рычаг останется лишь чертежом. лежит суть всей этой главы и всей этой серии. Европейская ось оркестровки, которую я описал выше — BiCRS, биоэтанол, биометанол, три континента вместе — технически осуществима, экономически необходима и стратегически беспрецедентна. Но она институционально невозможна при нынешнем дизайне европейского управления. Брюссельская форма правления, фактически представляющая собой усовершенствованную модель польдера (poldermodel) в континентальном масштабе, не может вынести такой план. Не из-за отсутствия хороших людей — их предостаточно — а потому, что сам дизайн ставит переговоры выше решения, консенсус выше направления и процедуру третьего порядка выше измерения первого порядка. Режим консенсуса, который в двадцатом веке привел Нидерланды к беспрецедентному процветанию, в двадцать первом веке превратился в ритуал: каждого выслушивают, ни одно решение не принимается, а в остатке получается нечто среднее, чего никто не хотел, но все принимают, потому что возражение обходится дороже, чем уступка. дух воспринимает высшие порядки — долгосрочные измерения, структурную перестройку, выверенную коррекцию вопреки голосам — не как решения, а как проблемы. Тот, кто приходит на заседание в Брюсселе с цифрами о снижении производительности труда в Европе, видит двадцать пять кивающих голов, после чего дискуссия переходит к следующему пункту повестки об инклюзии или цифровом суверенитете. Тот, кто предлагает создать континентальную ось биомассы в сотрудничестве с Бразилией и Нигерией, немедленно слышит три возражения — колониальное прошлое,

права человека в производственной цепочке, экологические последствия транспортировки, — каждое из которых в отдельности легитимно, но в совокупности они порождают застой, от которого выигрывают только азиатские конкуренты. Режим консенсуса — это не злой умысел; это ошибка проектирования. Он рассматривает каждое возражение четвертого порядка как равноценное каждому факту первого порядка, и поскольку возражения четвертого порядка бесконечно умножаемы, а факты первого порядка конечны, возражающий всегда побеждает. Результат: Европа ведет переговоры, но не помогает миру двигаться вперед. образом, ось биомассы может быть построена только в том случае, если Европа сначала перестроит свой дизайн управления — а не после. Не бывает так, что мы сначала строим установки, а потом адаптируем институты. Все ровно наоборот: пока европейское управление остается в режиме консенсуса, любая промышленная климатическая ось застрянет на стадии предварительного изучения, будет припаркована в «working group» или после трех смен комиссаров будет списана как «более не приоритетная». Институциональная перестройка, которую описывают двенадцать выпусков этой серии — выверенный Bondsraad, независимый орган измерения первого порядка, пересмотренное распределение ролей между первым и четвертым порядками, слой UEI, направляющий европейское противодействие, — это не альтернатива стратегическому рычагу. Это его условие**. Без этой перестройки европейская ось оркестровки останется тем, чем она является сегодня: презентацией в Powerpoint на стратегическом саммите в Брюсселе, где семь комиссаров кивают, два возражения фиксируются, и никто никогда не строит ни одной установки. самое важное в этой главе. Рычаг существует. Четыре учения о мировом дизайне ясны. Европа может выбирать между режимом консенсуса и выверенным решением. С режимом консенсуса Европа продолжает вести переговоры, пока Россия управляет, исходя из личного авторитета, Америка — из юридического принуждения, а Китай — из химического контроля. С выверенным решением — с перестройкой, которую описывает эта серия — Европа создаст единственный в мире рычаг, который еще свободен: фиксация CO₂ плюс топливо, три континента вместе, собственный дизайн, измеренный результат. Чертеж на стене. Или установка в Бразилии и Нигерии. Этот выбор Европа делает сейчас, или же он будет сделан за нее. *Четвертый путь западный анализ гласит, что у Европы есть выбор между тремя путями: больше демократии (с более

медленным принятием решений), возвращение к национальному суверенитету (с экономической фрагментацией) или капитуляция перед одной из трех мировых держав (Америка является обычным выбором). Ни один из трех не является выходом. Первый усугубляет проблему. Второй является политической фантазией до тех пор, пока европейским компаниям нужны европейские рынки. Третий — это не решение, а подчинение. Четвертый путь, и он находится на виду в стране, которая уже с тысячи восемьсот сорок восьмого года является работающим примером. Полная демократия в сочетании с экономически компетентным руководством, которому позволено идти наперекор голосам, когда того требует измеренная реальность. ** Не как монархия, не как технократия, не как автократия. А как проект, в котором измерение первого порядка — экономика, продуктивность, демография, оборонный потенциал — имеет приоритет над голосом третьего порядка в электоральный момент. Голос гражданина остается суверенным в определении направления; измерение определяет осуществимость. Лидер, который видит, что продуктивность государственного сектора снизилась на девять процентов за шесть лет — факт, опубликованный СРВ в две тысячи двадцать третьем году, — может принять решение противодействовать этому, даже если это не принесет ему победы на следующих выборах. то, что предлагает Nova Democratia: не отмену демократии, а ее спасение путем отделения от нее саморазрушительного элемента. Старомодная демократия — это голос, который не может себя скорректировать, который может ослепнуть от трений третьего порядка, пока реальность первого порядка ускользает. Nova Democratia добавляет второй слой: коллегиальное экономическое руководство, которое следует фактическому функционированию системы, а не моде предвыборной кампании. Швейцария практикует это с тысячи восемьсот сорок восьмого года. Швейцарский Bondsraad — семь равноправных членов, ежегодная ротация председательства, коллегиальное принятие решений — не самая захватывающая форма правления. Но она является самой стабильной во всей Европе, а швейцарская производительность на душу населения с две тысячи седьмого года структурно превышает немецкую, французскую, британскую и нидерландскую.> Старомодная демократия — это голос, который не может себя скорректировать. Nova Democratia добавляет второй слой: коллегиальное экономическое руководство, которое следует фактическому функционированию системы, а не моде предвыборной

кампании. лексиконе *Nova Democratia*: третий порядок — решения о том, как мы управляем между измерением и целью — принимается семью *Bondsraden*, избираемыми Объединенным федеральным собранием, которое представляет различные партии в соответствии с фиксированным ключом распределения. Четвертый порядок — мнения, кампании, взгляды — выслушивается, но не считается голосом в той же иерархии. Первый порядок — измеренные факты об экономике, продуктивности, демографии, обороне, климате — устанавливается независимым органом измерения (в стиле СРВ, бюро планирования, TNO). Второй порядок — цели — остается за гражданином через референдум по конкретным вопросам, а не за личностью через пустые выборы харизматичного лидера. не проект для одной страны. Это структурная логика, при которой Европа могла бы выжить. Европейский проект, являющийся коллегиальным, выверенным и лишенным доминирующего голоса, может защитить себя от российского царя, движимого личной преданностью, от американского кабинета юристов, основывающегося на процедурном принуждении, и от китайского химика, организующего все на контроле данных. Не путем участия в их игре — для этого они лучше оснащены, — а путем собственной игры, которая более медленная, глубокая и корректирующая. * На каком этапе находится эта серия ** двенадцать выпусков *Nova Democratia* показывают, как этот дизайн выглядит для Нидерландов, потому что Нидерланды без Европы могут быть испытательной лабораторией для того, что позже станет возможным с Европой. Каждый выпуск посвящен одной части логики проектирования: фазированию, Парето тормозного веса, классификации порядков, зеркалам в Швейцарии и Канаде, полю сил акторов, европейскому противодействию через UEI, слою знаний как союзнику. В конце, в двенадцатом выпуске, представлен конкретный семишаговый план, который может инициировать один-единственный член парламента без какого-либо закона, без какой-либо партии, без какого-либо разрешения. не революция. Это инженерный подход к политической системе, которая без реконструкции рухнет. И если Нидерланды могут это сделать, то и Европа сможет. А если Европа этого не сделает, то через двадцать лет она больше не будет управлять собой сама, а ею будут управлять из Москвы, Вашингтона или Пекина. далее в выпуске ноль: *Брюссель как переменная, а не как константа*. Там начинается практический анализ того, что Нидерланды могут сделать уже завтра. *Vizier*

• novademocratia.com • Рабочие материалы • Jacobus van Merksteijn • Мальта
• Июнь 2026”

}